

МИР СТРУГАЦКИХ

К Н И Г И В С Е Р И И :

Сергей Лукьяненко

Дарья Зарубина

Игорь Минаков

и другие

«ПОНЕДЕЛЬНИК НЕ КОНЧАЕТСЯ НИКОГДА»

ПОНЕДЕЛЬНИК НЕ КОНЧАЕТСЯ НИКОГДА

Сергей Лукьяненко
Дарья Зарубина
Игорь Минаков
и другие

МОСКВА
2 0 1 8

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П56

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

П56 Понедельник не кончается никогда. — Москва :
Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Мир Стругацких).

ISBN 978-5-04-092767-8

Сергей Лукьяненко и другие ведущие российские фантасты в сборнике повестей и рассказов, продолжающих легендарные произведения Аркадия и Бориса Стругацких! Новые приключения Саши Привалова, Витьки Корнеева, профессора Выбегалло, Кристобая Хунты и других магов — сотрудников знаменитого Научно-Исследовательского Института Чародейства и Волшебства!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зарубина Д., Лукьяненко С.,
Минаков И., Щетинина Е.,
Харитонов М., Ясинская М., 2018

© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-092767-8

Сергей Лукьяненко

ВРЕМЕННАЯ СУЕТА

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. КОЛЕСО ФОРТУНЫ

И долго еще определено мне
чуждой властью идти об руку с
моими странными героями...

Н. В. Гоголь

1

...Судя по всему, мое житье-бытье час от часу становилось все нестерпимее...

*Г. Я. К. Гриммельсгаузен.
Симплициссимус*

Было раннее утро конца ноября. Телефон зазвонил в тот самый момент, когда «Алдан» в очередной раз завис. В последнее время, после одушевления, работать с машиной стало совсем трудно. Я со вздохом щелкнул «волшебным рубильником» — выключателем питания и подошел к телефону. «Алдан» за моей спиной недовольно загудел и выплюнул из считывающего устройства стопку перфокарт.

— Не хулигань, на всю ночь обесточу, — пригрозил я. И, прежде чем взять трубку, опасно по-

косился на эбонитовый корпус телефона, где тянулся длинный ряд белых пластиковых кнопок. Слава богу, вторая справа была нажата, и это означало, что мой новенький телефон принимает звонки только от начальства — от А-Януса и У-Януса до Саваофа Бааловича. Впрочем, зачем гадать?

— Привалов слушает, — поднимая трубку, сказал я. Очень хорошим голосом, серьезным, уверенным и в то же время усталым. Сотрудника, отвечающего таким голосом, никак нельзя послать на подшефную овощную базу, или потребовать сдачи квартального отчета об экономии электроэнергии, перфокарт и писчей бумаги...

— Что ты бормочешь, Сашка! — заорали мне в ухо так сильно, что на мгновение я оглох. — ...рнеев говорит. Слышишь?

— А... ага... — выдавил я, отставляя трубку на расстояние вытянутой руки. — Ты где? У Ж-жиана?

— В машинном зале! — еще сильнее гаркнул из трубки грубиян Корнеев. — Уши мой!

На мгновение мне показалось, что из трубки показались Витькины губы.

— Дуй ко мне! — продолжил разговор Корнеев.

В трубке часто забикало. Я с грустью посмотрел на «Алдан» — машина перезагрузилась и сейчас тестировала системы. Работать хотелось невероятно. Что это Корнеев делает в машинном? И как сумел дозвониться? Я скосил глаза на телефон, потом, по наитию, на провод. Телефон был выключен из розетки. Сам ведь его выключил утром, чтобы не мешали писать программу.

— Ну, Корнеев, ну, зараза... — с возмущением сказал я. — Дуй в машинный...

Я с мстительным удовольствием подул в микрофон.
— Привалов! Как человека прошу! — ответила мне трубка.

— Иду-иду, — печально сказал я и отошел к «Алдану». К Витькиным выходкам я привык давно, но почему он так упрямо считает свою работу важной, а мою — ерундой? На мониторе «Алдана» тем временем мелькали зеленые строчки:

Триггеры... норма.

Реле... норма.

Лампы электронные... норма.

Микросхема... норма.

Бессмертная душа... порядок!

Проверка печатающего устройства...

Печатающим устройством «Алдану» служила электрическая пишущая машинка, с виду обычная, но снабженная виртуальным набором литер. Благодаря этой маленькой модернизации она могла печатать на семидесяти девяти языках шестнадцатью цветами, а также рисовать графики и бланки требований на красящую ленту. Сейчас машинка тарахтела, отбивая на бумаге буквы — от «А» до непроизносимых согласных языка мыонг. В конце она выдала «Сашка, будь челове...», после чего замерла с приподнятой литерой «К». «Алдан» снова завис.

Обесточив машину, я вышел из лаборатории. Ну, Корнеев! Даже в «Алдан» залез! «Будь челове...» Я остановился как громом пораженный. Если уж грубиян Корнеев просит помочь — значит, дело серьезное! Мысленно приказав кнопке вызова лифта нажать, я бросился по коридору... Молоденького домового, уныло оттирающего паркет зубной щеткой, я не заметил до самого момента спотыкания. Отдраенный паркет метнулся мне навстречу,

я отчаянно попытался левитировать, но в спешке перепутал направление полета. Когда я наконец-то пришел в себя, на лбу имелся прообраз будущей шишки, а заклинание левитации упрямо прижимало меня к полу, пытаясь доставить к центру Земли. Ошибись я с заклинанием на улице, так бы скорее всего и получилось. Но в институте, на мое счастье, и полы, и стены, и потолки были заговорены опытными магами и моим дилетантским попыткам не поддавались. Я перекрестился, что отменяло действие заклинания, сел на корточки и потер лоб. Домовой, забившийся поначалу в угол, осмелел и подошел поближе. Длинные, не по росту хлопчатобумажные штаны унылого буро-зеленого цвета волочились за ним по полу. Широкий ремень из кожзаменителя съехал вниз. Латунные пуговицы были нечищены, одна болталась на ниточке.

— Жив? — шмыгая носом и утираясь рукавом, спросил домовый.

— Жив, — машинально ответил я, не обращая внимания на панибратский тон домового.

А тот добродушно улыбнулся и добавил:

— Дубль...

— Какой дубль? — уже опомнившись, спросил я. Происходящее становилось интересным. Домовые слыли существами робкими, забитыми, в разговоры вступали неохотно. Только самые старые и смелые из них, вроде тех, что прислуживали Кристобалью Хозевичу, были способны иногда на осмысленную, но крайне уклончивую беседу.

Домовой внимательно осмотрел меня и сказал:

— Удачный. Очень удачный дубль. Привалов-то наш научился все-таки...

Я ошалел. Домовой принял меня за моего собственного дубля! Позор! Неужели я становлюсь похожим на дублеподобных сотрудников?

— Ты так по коридорам не носись, — поучал меня тем временем домовый. — Привалов... он того, неопытный. Сквозь стены видит плохо, можно при нем побежать, чтобы он убедился — стараешься, и обратно, когда идешь, ходу ускорить... Тихо!

Мимо нас прошел бакалавр черной магии Магнус Федорович Редькин. Был он в потертых на коленках джинсах-невидимках, в настоящий момент включенных на половинную мощность. Магнус Федорович от этого выглядел туманным и полупрозрачным, как человек-невидимка, попавший под дождь. На нас с домовым он даже не посмотрел. Тоже принял меня за дубля? Почему? И лишь когда Редькин скрылся в дверях лифта — мной, между прочим, вызванного, я понял. Ни один сотрудник института не споткнется о зазевавшегося домового. На это способен лишь дубль... В душе у меня слегка просветлело. Для полной гарантии я поковырял пальцем в ухе, но следов шерсти не обнаружил. Надо было вставать и бежать к Корнееву.

— Все путем, — неожиданно сказал домовый. — Он не заметил, что мы разговаривали. Ладно, ты беги, а то и Привалов забеспокоится. Если что, заходи в пятую казарму, спроси Кешу. Знаешь, где казармы? За кабинетом Камноедова. Бывай...

Домовой сунул мне теплую волосатую ладонь и исчез в щели между паркетинами. А я, глядя под ноги, побрел к лифту. На этот раз на кнопку пришлось давить минут пять, прежде чем лифт соизволил остановиться. Я юркнул в двери и с облегче-

нием отправил лифт вниз. Третий этаж лифт проскочил без заминки. А между вторым и первым застрял. И зачем я поехал на нем, есть же нормальная черная лестница... Со вздохом оглядевшись — если кто-то рядом и был, то очень хорошо замаскированный, я нарушил второе правило пользования лифтом и вышел сквозь стену. На первом этаже было хорошо. Пронзительно пахло зелеными яблоками и хвойными лесами, что почему-то вызывало в памяти популярные болгарские шампуню. Мимо пробежала хорошенькая девушка, мимоходом улыбнувшись мне. Она улыбалась всем, даже кадаврам. Это было ее специальностью — она, как и все хорошенькие девушки института, работала в отделе Линейного счастья. Здороваясь по пути со славными ребятами из подотдела конденсации веселого беззлобного смеха, я пробирался к машинному залу. Путь был нелегким. Начать с того, что отдел Линейного счастья занимал абсолютно весь первый этаж. Места для машинного зала на нем попросту не оставалось. Но если вначале спуститься в подвал, а потом уже подняться на первый этаж, то можно было попасть в машинный зал, обеспечивающий весь институт энергией. Как это получалось — было тайной, такой же непостижимой для меня, как огромные размеры НИИЧАВО, маленького и неприметного снаружи. Сегодня мне почему-то не везло. Я трижды споткнулся, но, наученный горьким опытом, не упал. Выдержал долгую беседу с Эдиком Амперяном, которому позарез хотелось поделиться с кем-нибудь своей удачей — он добился с помощью Говоруна потрясающих результатов в деле сублимации универсального гореутолителя. Какую роль сыграл Клоп Говорун в этом процессе,

я так и не понял — уж очень специфические термины использовал Эдик. Но от его удачи мне стало полегче, словно я и сам надышался парами горютолителя. Пообещав Амперяну провести для него расчет эффективности вне очереди, я сбросил его на проходящего мимо дубля Ойры-Ойры со строгим приказом: отвести Эдика домой и уложить в постель, после чего, уже без приключений, добрался до машинного зала. У дверей стоял Корнеев. Вид у него был невозмутимый.

— Витька, что случилось? — с облегчением поинтересовался я. — Зачем такая спешка?

— Привалов, пройди, пожалуйста, внутрь, — бесцветно сказал Витька.

И я понял, что никакой это не Корнеев, это его дубль, запрограммированный лишь на одно — пропустить внутрь меня и преграждать дорогу всем остальным. Мне стало страшно. Я отпихнул дубля, неуклюже взмахнувшего руками, распахнул тяжелую дверь и влетел в машинный зал. Витька сидел на Колесе Фортуны, том самом, чье вращение давало институту электроэнергию. При моем появлении он взглянул на часы и сообщил:

— Когда решу помирать, тебя за смертью пошлю. Девять минут шел, м-ма-гистр.

К Витькиным издевательствам я привык. Прогноировав «м-ма-гистра» — Корнеев прекрасно знал, что я до сих пор хожу в «учениках чародея», я осмотрелся. Машинный зал производил странное впечатление. Вначале из-за темноты я заметил лишь Витьку, который светился бледным зеленым светом, — с опытными чародеями такое случилось при сильном магическом переутомлении,

теперь же передо мной открылась вся картина. Между огромными трансформаторами застыли странные темно-серые статуи, изображающие бесов. Через мгновение я сообразил, что это и есть бесы — из обслуживающего персонала. Кто-то, и я был на сто один процент уверен, что это Витька, наложил на них заклятие окаменелости. А вдоль Колеса Фортуны, походившего на блестящую ленту, выходящую из одной стены и входящую в другую, застыли Витькины дубли — неподвижные и почти неразличимые. Была в дублях одна странность — каждый последующий был немного ниже предыдущего. Те, которых я еще мог разглядеть, выглядели просто пятнышками на цементном полу, но у меня появилось страшное подозрение, что они вовсе не являются крайними в этой дикой последовательности.

— Когда я позвонил, тебе везло? — внезапно заинтересовался Корнеев.

— Что? Ну... У меня «Алдан» завис.

— А после?

— Что после?

— После звонка тебе везло или нет, дубина? — печально и тихо спросил Корнеев.

— Нет. Я упал, потом лифт...

Я замолчал. Я все понял. Лишь теперь, наблюдая за Витькой, я осознал, что он сидит на Колесе, но остается неподвижным. Колесо Фортуны остановилось!

— Это я, — с напускной гордостью сказал Витька.

— Да? — с внезапной дрожью в голосе поинтересовался я.

— Я его остановил, — зачем-то уточнил Корнеев.

— Как?

— Дублей видишь? Я сделал дубля и дал ему приказ — крепко держать Колесо Фортуны и производить следующего дубля, уменьшенного в размерах и с той же базовой функцией.

Схватившись за голову, я простонал:

— Научил я тебя, Корнеев. Базовая функция... Ты, может, еще на бумаге эту программу составил?

— Ага, — подтвердил Витька. И с людоедской радостью добавил: — А вчера у тебя на «Алдане» проверял. Могучая машина.

— И что вышло?

— Что число дублей будет бесконечным, а сила торможения ими Колеса — бесконечно большой. Вот... Так и вышло. Остановили они Колесо Фортуны.

...Вскоре мне стала ясна вся картина происходящего. Витьке, для его грандиозной идеи превращения всей воды на Земле в живую, не хватало самой малости — устойчивости процесса. Придуманная им цепная реакция перехода обычной воды в живую останавливалась от шума проезжающей машины, чиха Кося или выпадания града в соседней области. И тут-то Витьку осенило. Если остановить Колесо Фортуны в тот момент, когда процесс перехода воды идет хорошо, то удача останется на его стороне! Вся вода в мире станет живой, для исцеления ран надо будет лишь облиться из ведра или залезть под душ, чтобы вылечить ангину — прополоскать рот. Врачи станут ненужными, войны потеряют смысл... И Витька придумал гениальную идею с бесконечным количеством дублей, что будут с бесконечной силой тормозить Колесо.

План его удался лишь частично. За те секунды, пока Колесо Фортуны останавливалось, лаборант-

ка в отделе Универсальных превращений уронила умклайдет на диван, инвентарный номер 1123. Результаты были катастрофические. Вода стала превращаться не в живую и даже не в мертвую, а в дистиллированную. Ничего страшного в этом не было, во всяком случае, пока процесс не дошел до морей и океанов. Но шел он теперь безостановочно, ибо Колесо Фортуны стояло. В этот самый миг жизнь людей радикально изменилась. У меня, так же как у Корнеева и еще примерно половины человечества, началась нескончаемая полоса невезения. У Эдика Амперяна и прочих счастливицков началась бесконечная полоса удач. Бесконечная!

Я даже зажмурился от осознания этого факта. Я представил, как Амперян поит меня своим гореутолителем... и он действует, я становлюсь счастливым, хоть мне и не везет. У меня ломается «Алдан» — а я доволен. У Витьки не получается простейшего превращения — он тоже счастлив. Потому что Эдик изобрел... Да что я привязался к Эдику! Человечество отныне разделилось на две категории — везунчиков и неудачников. Представив, как меня сочувственно хлопают по плечу везунчики, я не выдержал и заорал:

— Корнеев, запускай Колесо обратно! Немедленно!

— Не могу, — хмуро сказал Корнеев. — Что я, дурак, что ли? Сам знаю, надо запускать, пока магиистры не узнали. Позора не оберешься...

Последнюю фразу он произнес с мечтательным выражением, словно смакуя предстоящий позор.

— Почему не можешь? — Я поправил очки и растерянно оглядел бесконечный ряд дублей. — Прикажи им, пусть толкают Колесо, со своей бесконечной силой... черт бы ее побрал!

Одно из стоящих вблизи изваяний слегка шевельнулось. Витька вперил в него грозный взгляд, и черт окаменел вторично.

— Глаз нет, да? Совсем слепой? — с акцентом Амперяна, но собственной грубостью поинтересовался Корнеев. — Лопнул обод у колеса, видишь?

Я подошел к Колесу и убедился, что двухметровой ширины лента действительно разделена тонкой щелью. Концы разрыва подрагивали, словно кончики стальной пружины.

— А зарастить нельзя? — шепотом поинтересовался я. — Ты же... это... умеешь. Помнишь, червонец мне склеил?

Витька грустно кивнул. И закончил свой печальный рассказ. Оказывается, когда Колесо Фортуны остановилось, оно тут же лопнуло. Концы обода стали дергаться, носиться по залу, разбрасывая дублей и перекручиваясь во все стороны. Когда наконец ошалевшие от неожиданности дубли и перепуганный, а от этого грубый более, чем обычно, Корнеев поймали их, установить, где левая, а где правая сторона, где верх, а где низ ленты уже не представлялось возможным. Корнеев кое-как совместил концы порванного обода, но уверенности в своей правоте не имел.

— Что, если я его лентой Мебиуса соединил? — хмуро сказал он. — Что будет?

Я пожал плечами. Корнеев, слегка подпрыгивая на ободу и светясь все более энергично, стал рассуждать: